

Гу Лин убрал телефон и пошёл открывать дверь, смутно ощутив, что в тот момент, когда он только что повесил трубку, Ци Чэ, кажется, что-то сказал, но он его перебил.

Он на мгновение замешкался, подумал и решил, что это вряд ли.

Прошло уже целых пятнадцать минут, он сам накопил кучу вопросов, а Ци Чэ в сумме ответил слов меньше, чем он произнёс в одной фразе — явно не было никакого интереса к разговору. С чего бы ему вдруг самому заговорить?

Наверное, это было сказано кому-то рядом в момент отбоя, скорее всего Гао Линю.

Приняв такое решение, Гу Лин выбросил это из головы.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь, и тут же в лицо ударил порыв ветра, сопровождаемый разноголосыми возгласами «твою мать».

Гу Лин отступил на несколько шагов назад, глядя на трёх здоровяков, ввалившихся в комнату, и без слов спросил:

— Вы чего творите?

Чжан Чэнь прижимался к двери усерднее всех, и упал больнее всех, поэтому честно признался:

— ...Подслушивали.

Гу Лин приподнял бровь:

— И что слышали?

Ло Юань и Линь Ивэнь, поддерживая друг друга, встали, а Чжан Чэнь, дрожа, кое-как поднялся сам и ответил:

— Абсолютно ничего.

Ло Юань добавил:

— ...Звукоизоляция слишком хорошая.

Гу Лин без слов посмотрел на них двоих, затем перевёл взгляд на Линь Ивэня, у которого съехали очки:

— С них взятки гладки, но ты-то, Вэньцзы, во что ввязался? Они тебя испортили.

Линь Ивэнь поправил очки и смущённо ответил:

— ...Уж больно любопытно.

Гу Лин:

— ...

Без лишних вопросов он знал, что именно любопытно этим троим братанам.

Чжан Чэнь потёр ушибленное колено:

— Ещё бы! Твой суженый по брачному контракту — и дракон, и феникс, и головы не видать, всё так скрытно, как тут не полюбопытствовать.

Гу Лин вышел из комнаты:

— Это не я решал.

Чжан Чэнь подскочил к нему:

— Ну хоть намекни, самую малость! Кто же эта важная персона?

Гу Лин задумался:

— Международная суперзвезда?

Сзади внезапно наступила тишина. Гу Лин остановился, обернулся и увидел три молчаливых лица.

Гу Лин:

— ?

Чжан Чэнь:

— Лин, не хочешь говорить — не надо, только не выдумывай.

Ло Юань:

— Мы не настолько глупы.

Линь Ивэнь:

— Я вообще не глупый.

Гу Лин:

— ...

Он резко развернулся и раздражённо махнул рукой:

— Хотите — верьте, хотите — нет.

В общем, слово «международная суперзвезда» было немного преувеличением, но в целом близко к истине.

Однако то, что они не поверили, было вполне нормально.

Когда он сам впервые узнал, кто его суженый по брачному контракту, он тоже не мог в это поверить.

Вернувшись, он выпил ещё несколько рюмок, и вдруг почувствовал, что его клонит в сон всё сильнее.

Глянул на часы — всего двадцать минут одиннадцатого вечера.

...Неужели проклятый биологический часовой механизм даёт о себе знать?

Гу Лин потёр голову, мягкие чёрные волосы растрепались и торчали в разные стороны.

— Пойду спать.

Гу Лин встал и направился внутрь, оставив позади трёх переглядывающихся парней, которые думали, что ночная жизнь только начинается.

На следующее утро Гу Лин выбрал лучшую удочку из драгоценной коллекции Чжан Чэня и, после долгих угроз и уговоров, вынудил его согласиться одолжить её.

Взяв снасти, Гу Лин сразу поехал в главную усадьбу семьи Ци.

Старейшина Ци уже был наполовину на пенсии и почти не вмешивался в дела, кроме крупных вопросов в корпорации, поэтому большую часть времени сидел дома на покое.

Когда Гу Лин приехал, у ворот главной усадьбы уже выстроилась целая шеренга людей, встречающих его.

Хотя людей было много, стояла полная тишина. Под их руководством Гу Лин вошёл в усадьбу, переобулся и переоделся — атмосфера была очень торжественной.

Второй раз уже легче: в прошлый раз он чувствовал себя неловко, а теперь уже освоился. Приготовившись, он направился в гостиную и издалека увидел Старейшину Ци, сидящего с прямой спиной на главном месте, с видом торжественным и величественным.

Гу Лин подошёл к нему и остановился, без тени смущения назвав его:

— Дедушка.

Холодный взгляд Старейшины Ци вдруг дрогнул.

Гу Лин опустил глаза и естественно протянул руку:

— Дедушка, я привёз вам подарок.

Дворецкий принял из его рук длинный чехол для удочек и протянул Старейшине Ци.

Оборона спокойствия Старейшины Ци мгновенно рухнула.

Гу Лин слегка сжал губы, улыбнувшись про себя — этот приём оказался слишком действенным.

Из тех скудных сведений, что у него были, в прошлой жизни после полного ухода на пенсию Старейшина Ци увлёкся рыбалкой, причём настолько, что прославился в своих кругах и даже участвовал в нескольких старческих рыболовных турнирах, спонсируемых его же корпорацией.

Гу Лин предположил, что это увлечение не могло возникнуть внезапно — оно должно было зародиться задолго до этого, но пока он не ушёл на покой, его статус не позволял этого показывать. Ведь образ, который он создавал, никак не вязался с человеком, поглощённым таким развлечением, как рыбалка, так что ему приходилось глубоко прятать свою страсть, не выдавая её.

И действительно, едва Старейшина Ци увидел эту яркую удочку, его выражение лица сразу изменилось.

Старейшина Ци с серьёзным видом спросил:

— Это...

Гу Лин с виноватым лицом ответил:

— Я не знал, что вам подарить. Если вам не нравится, значит, я не подумал...

Старейшина Ци прочистил горло и холодно произнёс:

— Раз уж ты проявил сыновнюю почтительность... Что ж, я попробую.

Три часа спустя.

— Эй! Ключуло!

— Ого, крупная! Эй, смотри, не упусти!

— Точно, здесь рыбы много, у тебя, парень, глаз намётан...

С заднего двора главной усадьбы издалека донёсся голос Госпожи Ци:

— Старик, сколько поймал? К ужину будет что поесть?

Старейшина как раз был в самый ответственный момент ловли и, не шелохнувшись, громко ответил:

— Ещё две поймаю — и будет три!

Гу Лин молча покосился на совершенно пустое ведро и с трудом сдержал улыбку, которая так и лезла на губы.

К счастью, в конце концов небо помогло — Старейшина Ци действительно поймал одну рыбину.

Старик расплылся в улыбке до ушей, морщины разгладились, и он, неся ведро, направился обратно в усадьбу, даже не позволив Гу Линю помочь.

Войдя в особняк, он наткнулся на издалека наблюдающих дворецкого и прислугу, тут же взял себя в руки, вернул себе холодный и величественный вид и протянул ведро:

— Отнесите, зажарьте.

Дворецкие тут же принялись сыпать комплиментами:

— Вы так искусны!

— И правда, старый господин во всём мастер...

— Какая большая рыбина! Оказывается, в нашем пруду такие водятся...

Старейшина Ци небрежно махнул рукой:

— Просто так, на удочку попалась.

В тот вечер главным блюдом за ужином стала уха из этой рыбы.

Когда почти пришло время ужинать, в главную усадьбу прибыл и Ци Чэ.

Гу Лин смотрел, как Ци Чэ снимает тёмные очки, полы широкого плаща слегка развеваются, и он шагает издали с бесстрастным видом. В тот же миг Гу Линю показалось, что воздух вокруг стал на несколько градусов холоднее.

Ужин начался, и снова воцарилась знакомая тихая чинность. Старейшина Ци на главном месте сидел с прямой спиной, невероятно величественный — совсем не тот старик, что днём, засучив рукава, удил рыбу.

Главное блюдо подали последним: большую суповую миску почтительно и аккуратно внесли из кухни.

Как только открыли крышку, поднялся пар, и в белоснежном рыбном бульоне лежал упитанный белый амур.

Ци Чэ слегка поднял глаза, сначала скользнул по блюду без особого внимания, но через две секунды вернул взгляд.

— Это... — Ци Чэ чуть нахмурился, — мальки, привезённые из Цзянчжоу три месяца назад?

Повар поспешно кивнул в знак согласия.

Ци Чэ равнодушно произнёс:

— Нужно было ещё минимум два месяца выдерживать, прежде чем подавать на стол. В следующий раз будьте внимательнее.

Повар промолчал.

Старейшина Ци на главном месте вдруг кашлянул.

Гу Лин, стоявший рядом, замешкался и вставил слово:

— Это старый господин сам поймал.

В бесстрастном лице Ци Чэ явно что-то дрогнуло, и в его холодном тоне послышалась лёгкая неуверенность:

— Вы...

Старейшина Ци прервал его, не дав договорить:

— За едой не разговаривают. Ешьте давайте.

Воцарился режим молчаливой трапезы. Гу Лин специально уделил особое внимание ухе — хоть и не проронил ни слова, но выпил целых четыре-пять пиал.

После первой пиалы Старейшина Ци лишь испытующе взглянул на него, после второй — чуть

шевелинул бровью, после третьей и четвёртой уже явно повеселел, и взгляд на Гу Линя становился всё мягче.

После ужина Ци Чэ не собирався задерживаться в главной усадьбе надолго: выпив лишь немного чаю, он велел Гао Линю готовить машину, чтобы ехать домой.

Гу Лин, выпив несколько больших пиал ухи, чувствовал себя страшно переполненным, поэтому вышел один прогуляться, чтобы размяться, оставив деда с внуком в гостинной.

Старейшина Ци сидел на главном месте, сжимая в руке тяжёлую чёрную деревянную трость. Он несколько раз взглянул на Ци Чэ, который сидел с опущенными глазами и безучастным выражением лица, и произнёс:

— Ты...

Ци Чэ поднял голову:

— Дедушка, вы хотели что-то сказать?

Старейшина Ци не ответил, но невольно вспомнил, как Гу Лин при встрече назвал его «дедушкой».

В сравнении с чинным «дедушка» это звучало гораздо слаще.

Старик посмотрел на вечно холодное лицо Ци Чэ и почувствовал лёгкую досаду от того, что тот не оправдывает надежд, но и не ждал, что он сможет стать послаще на язык.

— Как вы ладите? — спросил Старейшина Ци. — Этот ребёнок послушный, обычно он выглядит так, будто тебя боится. Такой милый ребёнок, ты его не обижай, всегда о нём заботься.

Ци Чэ поднял глаза, и в его лице что-то дрогнуло.

Он слегка озадаченно переспросил:

— Вы имеете в виду... Гу Линя?

Старейшина Ци кивнул:

— А кого же ещё?

Ци Чэ промолчал.

Послушный, боится его, милый.

Ни одно из этих трёх слов, кажется, не подходит к Гу Линю.

Старейшина Ци, видя, что тот молчит, стукнул тростью об пол:

— Ты слышал, что я сказал?

Ци Чэ слегка кивнул.

Старейшина Ци, заметив, что тот по-прежнему остаётся ледяным, нахмурился ещё сильнее.

Наверное, он и с Гу Линем ведёт себя так же — ни капли нежности не проявляет.

Больше говорить внуку было не о чем, и они обменялись сухими, холодными, формальными фразами, после чего Ци Чэ встал, чтобы попрощаться.

Старейшина Ци проводил его до дверей и смотрел, как тот направляется к выходу в передний двор.

Гу Лин неподалёку от входа в особняк дышал свежим воздухом. Увидев приближающегося Ци Чэ, он подождал его, и они пошли вместе к воротам.

Гу Лин сунул руки в карманы пальто и достал маленький флакончик антисептика для рук.

Ци Чэ опустил взгляд и увидел, что Гу Лин протягивает ему антисептик.

Гу Лин заботливо предложил:

— Не хотите?

Ци Чэ изначально не думал им пользоваться, но раз уж тот предложил, то не стал отказываться.

Продезинфицировав руки, Ци Чэ вернул антисептик обратно.

Гу Лин машинально взял его и тоже продезинфицировал руки.

Боязнь грязи, похоже, заразна.

Они остановились перед воротами, ожидая, когда подъедет машина. В эту паузу Ци Чэ невольно взглянул на стоящего рядом.

В тусклом свете уличного фонаря человек рядом держался на расстоянии в несколько шагов, словно и вправду его боялся. Мягкие чёрные волосы послушно лежали на лбу, придавая ему очень кроткий вид.

Кожа у него была очень белая, а когда он чуть опускал глаза, маленькая красноватая родинка под глазом почему-то казалась особенно хрупкой.

Ци Чэ вспомнил оценку Старейшины Ци, которая была полной противоположностью его собственным ощущениям и вдобавок совершенно не совпадала с теми слухами, что он слышал раньше.

Согласно слухам, Гу Лин был завсегдатаем ночных увеселений и гулял напропалую.

Но за эти несколько дней общения это явно не подтверждалось.

Ци Чэ нахмурил свои острые брови — стройная фигура перед ним вдруг словно окуталась лёгкой дымкой, внезапно став неясной и непостижимой.

Вдруг зазвонил телефон Ци Чэ.

Он достал его, взглянул и удивился.

Звонил Старейшина Ци.

Ци Чэ подумал, что тот, наверное, забыл что-то передать, и ответил.

Старейшина Ци помолчал в трубке две секунды, а затем сердито рявкнул:

— То, что я тебе только что сказал, ты в одно ухо пустил?

Ци Чэ:

— ?

Он ответил ровным тоном, как есть:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Старейшина Ци:

— Я же сказал: будь к нему добрее. Потерпи некоторые свои дурные привычки, особенно твою брезгливость! Ты прикоснулся к нему, а потом сразу полез за антисептиком — что он должен был подумать?

Ци Чэ:

— ...Я вовсе не...

Старейшина Ци:

— Ещё говоришь, что нет! Я всё видел!

Взгляд Ци Чэ упал на антисептик, который Гу Лин как раз убирал в карман, и он вдруг замолчал.

<http://bllate.org/book/19076/1873517>